

III. Научные сообщения.

О.В. Анисимов

Франко-русский конфликт вокруг Святых мест Палестины: периодизация и ее значение

Мог ли спор католика и православного из-за того, кому первым входить в храм и через какие ворота, привести к такой крупномасштабной войне, как Крымская (Восточная)? Логика исторического анализа предполагает поиск причин, руководящих мотивами людей и ходом событий, поэтому уже с середины XIX века ответ на этот вопрос претендует на всеобъемлющую причинность. Это естественно, потому как большая война заслонила собою мелкие передраги палестинских церковников, и проблема собственно Святых мест оказалась погребенной под пеплом прошедших сражений. Между тем, не умаляя того факта, что Восточный кризис 1850-х годов поставил на повестку дня вопрос о балансе сил между великими державами и судьбе Европы, в наше время наметился тренд более внимательно относиться к забытому поводу - к конфликту вокруг христианских святынь в Иерусалиме, Вифлееме, Назарете и других. Среди последних работ российских историков по этой тематике примечательны две: «Иерусалимский Патриархат и святыни Палестины в фокусе внешней политики России накануне Крымской войны» М. И. Якушева (2003) и «Святые места в центре Восточного вопроса: церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны» Л. В. Мельниковой (2008) /1/.

Обе работы оригинальны и содержат интересные подходы к проблеме. М. И. Якушев предложил периодизацию, по его терминологии, Святоместного дела, разделив события, начиная от июля 1850 до сентября 1853 г., на четыре фазы. В первой (июль 1850 - август 1851 гг.) вопрос развивался вяло от офици-

ального предъявления Францией претензий на противозаконное ущемление прав католиков на Святой земле до создания Турцией специальной комиссии. Во второй фазе (сентябрь 1851 - февраль 1852 гг.) после личного письма Николая I специальная комиссия была распущена, и в первых месяцах 1852 г. турецкие власти подготовили взаимоисключающие фирманы: один в пользу католиков, другой - в пользу православных. Третью фазу М. И. Якушев называет «дуэлью императоров» и ограничивает ее мартом - декабром 1852 г. В это время разыгрывались основные события конфликта: изобличение хитрости османского правительства, возбуждение правительств России и Франции, французские угрозы в адрес Турции и как результат - французские претензии удовлетворены, права греков подтверждены, но с проволочками и оговорками. Четвертая фаза - время военно-политической дипломатии (январь - сентябрь 1853 г.), когда Россия давила на Турцию то с помощью нот чрезвычайного посла князя А. С. Меньшикова, то с помощью своих армий в Дунайских княжествах.

Предложенная М. И. Якушевым схема нуждается в корректировках, ибо, во-первых, не отражает всей изменчивости той полной напряжения ситуации, во-вторых, не связана с основной внешней политикой России и Франции.

Л. В. Мельникова в своей работе опиралась на документы, собранные протоиереем А. Поповым в трехтомнике «La Question des Lieux-Saints de Jérusalem dans la correspondance diplomatique russe du XIXe siècle» (СПб., 1910 - 1911). Ей удалось достаточно подробно осветить ход дипломатической борьбы вокруг палестинских святынь между русскими, французскими и турецкими дипломатами, причем французскому участию в конфликте уделено гораздо большее внимание.

Автору данной статьи представилась возможность объединить два подхода современных историков и предложить свою периодизацию Святоместного спора. Наше исследование, выполненное по документам А. Попова, пристальным образом рас-

сма тривало связь внутренней и внешней политики президента и императора Луи-Наполеона Бонапарта с палестинским делом. С помощью новой периодизации, как представляется, можно увидеть, каким образом спор из-за святынь превратился в становой хребет Восточного кризиса и спусковой крючок Восточной войны.

Подготовительный этап конфликта, который корнями уходит в раннее Средневековье, приходится на 1840-ые гг. Конфликт вызревал участившимися стычками латинских и греческих священников, обветшанием купола над храмом Гроба Господнего и очередным витком противостояния, кому принадлежит честь его ремонтировать. Латинские иерархи активно вмешивались в противоречия между православным и армянским духовенством, а также нагнетали настроения во Франции. В 1847 г., произошел скандал, вызванный дракой священников и пропажей серебряной Вифлеемской звезды. Взаимные обвинения церковников привлекли внимание французской общественности к проблеме Святых мест. Комиссия отца Эжена Борэ, посланная из Франции в Палестину, установила, что католики на Святой земле находятся в униженном положении и нуждаются в срочном вмешательстве правительства. Книга Э. Борэ вышла в 1850 г. - в момент укрепления бонапартистского режима. На этом этапе почва для наступления Луи-Наполеона была подготовлена. Его борьба за Центральную Италию (Римская экспедиция 1849 - 1850 гг.) стала первым шагом на пути на Восток: туда он мог прийти только защитником католицизма и только в союзе с папским Римом.

Следующий этап открылся 28 мая 1850 г., когда французский посол Ж. Опик вручил турецкому министру иностранных дел ноту с требованием удовлетворить справедливые претензии католиков. Главным аргументом французской стороны был договор 1740 г., согласно которому латиняне занимали главные позиции в Святых местах. С мая 1850 г. и до марта 1851 г. Россия предпринимала попытки уладить догматическую про-

блему на локальном уровне, но сделать этого не удалось. Однако и Франции не удалось привлечь к спору другие католические державы. Турция была вынуждена начать процедуру верификации договора 1740 г., что неизбежно означало признание справедливости французских требований и грозило большими неприятностями со стороны России.

На третьем этапе (март - август 1851 г.) четко выделяются попытки российского правительства найти решение вопроса о Святых местах в рамках двусторонних переговоров с Францией. Но французская дипломатия дала гибкий, но жесткий отказ. Ни президент Луи-Наполеон, ни его министры не пытались скрыть, что претензии были предъявлены в угоду духовенству из трезвого политического расчета, они отмахивались от настойчивых предложений российского посла Н. Д. Киселева решить проблему полюбовно, ссылаясь на плохое знание деталей дела. На самом деле французские власти тянули время, чтобы дать возможность своему послу Ш. Лавалетту добиться от Порты как можно большего. Тот факт, что посол Лавалетт столь безапелляционно действовал по прямому указанию из Парижа, долго скрывался в Тюильрийском дворце. Франции удалось заручиться поддержкой Святого престола и говорить от имени других католических государств.

В августе 1851 г. начала работу смешанная комиссия, которая состояла из двух представителей греческого духовенства, двух французских дипломатов и турецкого чиновника. Это означало, что межконфессиональный спор перешел на новую ступень развития, где он приобрел *дипломатический* характер. Российская и французская дипломатии сошлись в единоборстве, что, впрочем, не помешало России одобрить бонапартистский переворот 2 декабря 1851 г. Дипломатический диссонанс теперь уже привлекал серьезное внимание политиков в Петербурге и Париже. Используя в целом благоприятный фон русско-французских отношений, Луи-Наполеон в конце 1851 г. попытался заключить с Россией сделку, условия которой он очень расплыв-

чато сформулировал. Он предлагал ей не мешать торжеству бо-напартизма во Франции и взамен обещал не обострять дело о Святых местах. Он демонстрировал желание косвенно дезавуировать Лавалетта, но не давал конкретных обещаний начать прямые переговоры с российским кабинетом. Сделка не состоялась.

Следующий этап (февраль - август 1852 г.) показал, что она и не могла состояться. Николай I противился установлению империи Наполеона III. Приняв диктатуру принца-президента, русский император отказывал ему в праве поменять вывеску на здании «Франция»: поставить «Empire» вместо «République». По мере того, как Наполеон шел к восстановлению императорского достоинства, давление России и пока союзных ей Австрии и Пруссии ощущалось все явственнее. Угрозу его политике Луи-Наполеон смог представить в глазах общественного мнения как угрозу национальным интересам Франции. События в Константинополе в январе - феврале 1852 г. окончательно свели на нет робкие попытки сближения Франции и России. Турция, находившаяся в крайне стесненном положении, надеялась удовлетворить обе стороны и представила российскому посланнику В. П. Титову и Ш. Лавалетту разные тексты фирманов: один в пользу греков, другой в пользу католиков. Совершив, таким образом, подлог, турецкое правительство рассчитывало и дальше тянуть время и уклоняться от решительных действий, уповая на то, что спор о Святых местах будет урегулирован напрямую между Николаем и Наполеоном. Дипломаты разъехались в отпуски, ничто не предвещало бури. Но в мае раскрылось содержание «греческого» (данного грекам) фирмана, и возмущению французской общественности не было предела. К середине лета в России стало понятно, что рано или поздно Луи-Наполеон объявит империю - это делало его непримиримым идеологическим противником российского императора. В таких условиях Луи-Наполеон приказал Лавалетту продолжить миссию в Стамбуле. Российская сторона не направила в Турцию дипломата в ранге посланника, так уровень отношений между ними пони-

зился.

В течение августа - декабря 1852 г. стараниями Лавалетта Франция одержала победу: под угрозой применения силы Турция удовлетворила большинство претензий. Это стало возможно после правительственного кризиса в Порте, в результате которого умеренный политик министр иностранных дел Аали-паша был заменен на откровенного противника России Фуада-эфенди. В Иерусалим, якобы для исполнения «греческого» фирмана был послан комиссар Афиф-бей. Его миссия в Иерусалиме обернулась в пользу католического духовенства, так как Фуад настаивал на союзе с Францией против России. Российское представительство в Стамбуле устранилось от конфликта: поверенных в делах А. П. Озеров понимал бесперспективность своих протестов, демаршей и личных договоренностей с министрами. Права православной церкви были ограничены, что побудило константинопольского патриарха обратиться за помощью к Николаю I. На том этапе франко-русские отношения были испорчены и инцидентом с признанием Второй империи. Назвав Наполеона III «добрым другом», самодержец показал ему дистанцию, разделяющую их лично и их страны. Но тот факт, что Россия осталась одна среди государств безоговорочно признавших нового императора, доказывает, что она потерпела двойное дипломатическое поражение: в Палестине и в Париже. Конфликт вокруг Святых мест на исходе 1852 г. приобрел ярко выраженный *политико-идеологический характер*, это была борьба за влияние на турецкую политику. Ставки в ближневосточной игре очень возросли.

Вмешательство Николая I и отправка чрезвычайного посольства (февраль - май 1853 г.) придали трехстороннему русско-франко-турецкому конфликту *общеевропейский характер*. К приезду А. С. Меншикова в Стамбул Франция, довольная победой в Иерусалиме, занимала пассивную позицию. Экспрессивный Лавалетт был заменен умеренным Э. Лакурром, а из французского МИД стали приходиться сигналы о намерении начать за-

поздалые прямые переговоры по поводу Святых мест. На этом этапе претензии, озвученные князем Меншиковым, а еще ранее обговоренные царем с британским послом Сеймуром, сильно затрагивали интересы Англии. Усилиями британского посла Рэдклифа, Лакура и нового визиря Решида-паши удалось создать общий фронт против российского посольства, изолировать догматический вопрос от политического и добиться провала миссии Меншикова. Франко-англо-турецкий альянс в Стамбуле был дополнен сближением позиций Парижа и Лондона, которые выразили готовность защищать Турцию от атаки России.

На последнем этапе (июнь - сентябрь 1853 г.) вопрос о Святых местах был окончательно подменен проблемами целостности Турции и суверенитета султана на всей ее территории. Вопреки мнению Нессельроде, царь, раздраженный двуличностью Турции и провокационной политикой Франции и Англии, стремился окончательно решить спорную проблему силой, для чего догматика была неотрывно связана им с политикой. Точно так же видели проблему в европейских столицах, но исходили из того, что претензии России были удовлетворены майскими фирманами султана и что требование формального соглашения серьезно подрывало статус-кво. В этот период военно-дипломатические маневры сопровождались борьбой в прессе и публицистике, которая в целом шла в пользу альянса Западной Европы с Турцией. Это был апогей Восточного кризиса, где спор о Святых местах перестали играть самостоятельную роль.

Приведенная нами схема показывает, что спор из-за Святых мест послужил не просто предлогом для конфликта - он был его детонатором. Претенциозная политика Франции в Святой земле обнажила бездну противоречий между великими державами. Статус-кво на Востоке, эта святыня «европейского концерта», оберегаемая совместными усилиями, подтачивался политическими и экономическими факторами, которые были сильнее всех дипломатических соглашений.

1. См.: Якушев М. И. Иерусалимский Патриархат и святыни Палестины в фокусе внешней политики России накануне Крымской войны. // Православный Палестинский сборник. Вып. 100. М., 2003. С. 245 - 288. Мельникова Л. В. Святые места в центре Восточного вопроса: церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны. // Вопросы истории. 2008. №11. С. 61 - 75.

М. Дмоховский

Польская подводная лодка «Orzeł» на политических картах начала Второй мировой войны

Когда в 4 часа 45 минут 1 сентября 1939 г. немецкий линкор «Шлезвиг - Гольштейн» открыл огонь по польской базе в Вестерплатте, одной из самых сильных баз польского военного флота, эсминцев «Włyskawica» («Молния»), «Grom» («Гром») и «Burza» («Буря») в Балтийском море уже не было. Польские корабли продвигались в сторону союзной Великобритании, чтобы около 17.30 бросить якоря на рейде шотландского порта Лейт. Такие действия польского командования, на первый взгляд значительно ослабляющие оборонительные возможности Польши, были глубоко продуманными и осознанными, что и подтвердило дальнейшее развитие событий.

В польских военных кругах долгое время присутствовал значительный скептицизм в отношении предстоящей войны с Третьим рейхом. Осенью 1938 г., во время совместного автомобильного путешествия с примасом Августом Хлондом, мааршал Эдвард Рыдз-Смиглы прямо заявил: «Учитывая огромное превосходство немецкой армии в технических средствах, в регулярной войне мы будем побеждены, а длительную борьбу можем вести только в виде партизанской войны» /1/. Оценка мар-